

КАВКАЗ

(LE CAUCASE)

ОРГАН НЕЗАВИСИМОЙ
НАЦИОНАЛЬНОЙ МЫСЛИ

L'adresse de l'administration : 10, rue de Plelo, Paris (15^e)

№ 6/18

ИЮНЬ 1935.

№ 6/18

СОДЕРЖАНИЕ:

Гайдар Баммат — Европейские перспективы.
Ф. Бриттен Остин — Страна блеффа и террора.
Дагестанли — Брах советского «детстроительства».

В. Ленин — Кавказ и Россия.

Тамбий Еленхоти — Итоги 14 лет.

Генерал И. З. Одишелидзе о причинах поражения Грузии.

Мухаджир — По свежим следам большевизского разрома.

О золотых часах и о прочем.

Ш. А. — Обзор печати.

Письма в Редакцию.

Хроника.

ЕВРОПЕЙСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

День заключения англо-германского морского соглашения надо признать одной из самых знаменательных дат послевоенной истории Европы.

Акт 15 июня несомненно является крупнейшим достижением национал-социалистической дипломатии: одна из великих участниц анти-германской коалиции, и именно та, мировая мощь которой так гипнотизирует Рейх, заключила с ней сепаратный договор, окончательно аннулирующий пятую часть Версальского «диктата». Понятны восторги немецкой печати. Это ли не победа для режима, столь чуждого в вопросам национальной чести и го-

сударственного престижа? Но блестящий успех фон Риббентропа не ограничивается только моральным торжеством. Он имеет неисчислимые практические последствия. Пансен мастерской удар всей системе коллективных соглашений, которые с таким трудом и так кропотливо готовились европейскими кабинетами. Жестоко скомпрометирована Лондонская декларация 3 февраля и основательно потрепан обновленный в Стресе фронт. Предemonстрирована с исчерпывающей наглядностью и вся внутренняя фальшь лицемерной Литвиновской формулы о «неделимости мира», которой так охотно орудовали последнее время не только в Москве.

События вочью показали, что за этой трескучей фразой скрывалось лишь эффектно замаскированное стремление держав использовать коллективные выступления для наилучшего обслуживания индивидуальных интересов каждой из них...

Первый крупный удар более или менее единому до того дипломатическому фронту союзников был, как известно, нанесен заключением франко-советского пакта о взаимной поддержке. Во многих влиятельных кругах Лондона и Рима пакт и вытекающее из него моральное и политическое усиление сов. России были восприняты как весьма опасное для «европейского равновесия» явление.

Трудно с точностью учесть степень сказанного франко-советским пактом влияния на заключение англо-германского морского соглашения и на несомненный рост благожелательных в Германии настроений в английском обществе, но глубокая внутренняя связь между этими двумя фактами едва ли может подлежать сомнению.

На эту связь, между прочим, указывает в «Же сюи Парту» Пьер Ватильон. Подчеркнув, что «Же сюи Парту» всегда высказывался против союза с Москвой и неустанно подчеркивал всю опасность этого «безумия» для Европы и для подлинных интересов Франции. П. Ватильон пишет: «Англо-русская вражда была одним из основных факторов европейской политики в течение всей второй половины XIX века. Во время войны этот антагонизм сыграл далеко еще не выясненную роль в революции, которая стесила трона несчастному Николаю II и отдала Россию большевикам. Перспектива увидеть славу хозяевами Константинополя была так ненавистна Англии, что рискуя самыми непоправимыми бедствиями, она не поколебалась ампутировать восточный фланг союзников... Вот уже почти двадцать лет в Азии, на Дальнем

Востоке, в Индии Британский империализм ведет глухую, но упорную борьбу с советским влиянием. Как, зная все это, не предвидеть, что руководители английской политики, следуя непреклонной своей традиции, примут все меры для того, чтобы преградить путь Советским возможностям в Европе...»

Если стать на изложенную точку зрения, нельзя не признать, что Лондонское морское соглашение 18 июня действительно является сокрушительным ударом по франко-советскому пакту. Этим соглашением Англия формально отдаст Балтийское море в безраздельное обладание Германии.

Тридцати пяти процентное соотношение германского флота к английскому фактически обеспечивает Германии стопроцентное господство в бассейне Балтики и подчиняет ее политическому контролю Скандинавию и «лимитрофные» Балтийские государства. Разрешается попутно и вопрос об окончательной ориентации Польши. Поездка полковника Бека в Берлин, предпринятая с явной целью демонстрации неизменности политической линии Варшавы и углубления уже существующих уз, кладет раз навсегда конец всем надеждам и сомнениям, которые породила в некоторых кругах смерть маршала Пилсудского.

На этих страницах мы уже имели случай вскользь отметить реакцию итальянского общественного мнения на заключение франко-советского пакта. Призрак воскресшей пан-славянской опасности как будто начинает серьезно озабочивать и другие страны Центральной Европы. Ощущению нарастающей с этой стороны угрозы в особенности содействовал более конкретный по форме и содержанию, чем франко-советское соглашение, пакт Москвы с Чехословакией. «Республика профессоров» превратилась вдруг в выдвинутый на сотни километров вперед укрепленный бастион Советской

России... Красная авиация, базирующаяся на Чехословакию, оказалась в состоянии угрожать наиболее жизненным европейским центрам, стала настоящим «пистолетом, направленным в сердце Европы»...

Эти тревожные настроения ярко отразились в помещенной на днях в Венском «Рейхс-пост» статье фон Стреерувитца. Бывший Австрийский федеральный канцлер выразил в ней мысль, что новый национализм Сталина легко может «оказаться завтра обращенным в пан-славистские цвета». Если принять во внимание естественные чувства ужаса и оторождения, которые католическая Австрия наших дней питает к материалистической и атеистической Москве, то станет ясно, что новый пан-славизм, возглавленный красной Москвой, не может не показаться Австрии еще более страшным, чем дореволюционный пан-славизм Императорской России...

В Венгрии, где антисоветские чувства имеют уже давние и глубокие корни ощущение пан-славистской опасности, закамуфлированной в красный цвет, конечно, еще острее. Венгерскую точку зрения в очень яркой и образной форме выразил недавно один из наиболее крупных политических деятелей современной Европы, бывший венгерский премьер-министр граф Бетлен. «Если бы Россия в 1918 году, заявил гр. Бетлен, была организованным государством, все дунайские страны являлись бы сейчас простыми российскими провинциями. В Праге не было бы речи о таких представителях западно - европейской ориентации, как Масарик и Бенеш, там царили бы пан-слависты типа Крамаржа. Не только Прага, но и Будапешт, Бухарест, Белград и Софья исполняли бы волю России.

В Константинополе, на Босфоре и в Катарро, на Адриатике, развивались бы русские военные флаги... Но Россия в результате ре-

волюции проиграла войну и вместе с ней целый ряд областей. Антанта реализовала мир, который по существу является славянским миром и ради которого были разорваны на куски земли короны Св. Стефана, составлявшие тысячелетнюю преграду между северными и южными славянами... Но если на славянском небе вновь засияет самое крупное славянское светило — Россия, северные и южные славяне соединятся в один мир... Волны славянского моря замнутятся над нами, если мы не обеспечим до этого времени нашу национальную безопасность...»

Все эти опасения и страхи, если бы даже они и были лишены серьезных оснований, отнюдь не способствуют разрядке и без того крайне стесненной политической атмосферы Европы. Положение остается весьма напряженным. Не внесла никаких изменений в эту тревожную ситуацию и недавняя поездка г. Идена в Париж и Рим. Позиция, занятая Британским Правительством, после доклада Министра по делам Л. Наций, свидетельствует о том, что, несмотря на искреннее желание сохранить дружеские отношения с Францией, Лондон принял твердое решение не связывать себя новым обязательством параллельного ведения или даже только одновременного подписания серии пактов (Дунайского, Восточного, об ограничении вооружений и пр.), предусмотренных декларацией 3 февраля.

Точка зрения Британского правительства, как известно, сводится к тому, что намеченные пакты не имеют одинаковой срочности и не представляют одинаковой ценности для договаривающихся сторон. Вывод, делаемый из этого призывания тот, что каждая из держав должна в первую голову заняться тем договором, который ее наиболее интересует. Так ведение переговоров по Дунайскому пакту должно быть предоставлено Италии, сама Англия выражает же-

лание завязаться особо ее интересующей дополнительной к Локарнским договорам воздушной конвенцией, Франции предоставляется всденне непосредственных переговоров по наиболее жизненному для нее вопросу об ограничении сухопутных вооружений, а также по выработке Восточного пакта... При этом Англия несколько не скрывает, что неудача последнего очень мало ее занимает... Дальнейшие настояния Франции, направленные к тому, чтобы склонить Англию на свою сторону едва ли могут дать какие нибудь практические результаты, кроме обострения отношений...

Иного решения впрочем едва ли можно было и ожидать. Пойти в этом вопросе навстречу французским пожеланиям, при созданных условиях, означало бы морально осудить акт 18 июня и отказаться в будущем от свободы действий в самых животрепещущих вопросах внешней политики. Трудно себе представить какое нибудь Британское Правительство, которое решилось бы на такой шаг...

**

Самостоятельная и настойчивая политика Англии, приведшая уже к значительному ослаблению связывающих ее с Францией уз, параллельно с наметившимся сближением точек зрения Лондона и Берлина не может конечно не волновать лучшие умы по эту сторону пролива.

Академик Жак Бэнвиль, являющийся одним из самых проникновенных политических писателей Франции, вплотную подходит к этому вопросу. В очередной своей хронике в «Аксон Франсез», рисуя положение Франции в связи с возможностью вооруженного конфликта между Германией и СССР, Бэнвиль пишет: «Не трудно представить себе, что в посещаемых ими странах эмиссары Гитлера го-

ворят не только о том, что Англия возвращается к блестящему одиночеству, но что и Италия уходит с головой в Абиссинские дела и следовательно у Германии будут развязаны руки для активной политики на Востоке Европы. Для тех, кто не затыкает себе нарочно уши, эти слова означают, что Третий Рейх вскоре перейдет к выполнению своих проектов в Балтийских государствах и в России. Недаром Германия вооружалась, не даром обзавелась она могущественной армией и лихорадочно занимается тем, что нельзя иначе назвать как «экономической подготовкой войны». Что же случится? Что сделает Франция в тот день, когда Германия столкнется с Советами? Как будет действовать наш безумный союз? Куда он нас заведет? Во всяком случае знаменитая Лига демократий и революций против национал-социализма чувствует себя не лучше чем Стрезский фронт и весьма похоже на то, что мы останемся с глазу на глаз с нашими мало надежными московскими компаниями»...

Перспектива остаться «тэт-а-тэт» с московскими товарищами повидимому мало соблазняет не только Жака Бэнвиля, но и Пьера Лавала. Во всяком случае ответ, данный главою Правительства и министром иностранных дел на представление Берлина о несовместимости Локарнских соглашений с франко-советским пактом весьма знаменателен. В прошлом номер «Кавказа» анализируя пакт, мы просили наших читателей обратить особое внимание на приложенный к пакту особый объяснительный протокол. Мы считали, что эти «объяснения» оставляют двери открытыми для самых неожиданных сюрпризов и дают, при желании возможность свести договор к нулю...

Не началась ли уже пора неприятных для Москвы сюрпризов?

Как известно, французский ответ на не-

между ноту, настаивает на том, что франко-советский пакт заключен в рамках Лиги Наций, затем он весьма энергично подчеркивает, что практическое применение пакта всецело зависит от предварительного признания Англией и Италией, державами, гарантировавшими Локкарнские соглашения, Германии нападающей стороной.

Ответ этот, до отправления по назначению, был сообщен на просмотр в Лондон, Рим и Москву. Английское и Итальянское правительства одобрили его вполне. Москва же, как и следовало ожидать, весьма решительно и настойчиво протестовала, основательно считая что проектированный ответ является фактическим аннулированием франко-советского пакта. В самом деле, если до сегодняшнего дня еще идут споры о том, кто был в великой войне нападающей стороной, то какие могут быть сомнения, что в Лондоне и Риме всегда найдутся весьма тонкие юристы и достаточно веские аргументы, чтобы не признать Германию нападающей стороной. Это тем более очевидно, что трудно мыслить возможность активной Германской политики на Востоке Европы без молчаливого согласия хотя бы одной из этих великих держав... Все эти соображения, которые Москва не преминула конечно представить Лавалю, не помешали однако тому, что французский ответ был передан в Берлин без всяких изменений...

Есть серьезные основания думать, что события последних недель произвели на фран-

цузское общественное мнение весьма сильное впечатление. После первой бурной реакции против жеста Лондона, который некоторая часть парижской печати не поколебалась квалифицировать как не лояльный акт — наступает более трезвая и спокойная оценка конъюнктуры. Здоровая идея непосредственного сговора с Германией, тормозившаяся до сих пор могущественной коалицией друзей Москвы и оккультных сил, действующих в кулисах парламента, начинает наконец завоевывать широкие круги. Недавняя поездка в Германию французских комбатантов, присутствие в Париже многочисленной делегации немецких комбатантов, оказываемый им обществом и печатью радужный прием, заметно изменившееся наконец отношение некоторых совершенно непримиримых до сих пор органов печати к возможности прямых переговоров с Германией, красноречиво свидетельствуют о том, что происходят какие то значительные сдвиги — открываются какие то новые перспективы. — Если нормальной эволюции этих новых тенденций не помешает вторжение улицы, к которой апеллируют ныне сознательные и безсознательные союзники Москвы, если хитроумному Лавалю удастся справиться с тяжким финансовым и политическим кризисом, раздрающим страну — на будущее франко-германских отношений можно как будто смотреть с надеждой.

Гайдар Баммат.

Страна блеффа и террора

Настанет может быть день, когда СССР торжественно приобщит к лику своих коммунистических святых — Маркса, Ленина и Сталина — еще фигуру в очках, упитанную, очаровательно любезную, г-на Литвинова (он же Физвальштейн, он же Валлах), ибо если Маркс и Ленин создали коммунистическую диктатуру, а Сталин безошибочной рукой пустил ее в ход, то это Литвинов спас ее, во всяком случае временно.

Два года тому назад коммунистическая диктатура находилась на очень скверном пути. Правда Россия обзавелась грандиозными сооружениями последнего года первой пятилетки, но эти колоссальные фабрики были куплены ценой почти полного изнеможения целого народа, приведенного в рабское состояние, и функционировали они в смехотворно минимальной пропорции по сравнению с предписанием.

Коллективизацию земледелия также удалось более или менее усилить среди агонии пяти миллионов высланных «кулаков» — но результатом явился ужасающий голод, в особенности в области хлебоборудной Украины, которая при старом режиме создала из Одессы едва ли из главных хлебоэкспортных портов всего мира.

Советская Россия не могла больше выкачивать того сельскохозяйственного экспорта, который снабжал ее иностранным кредитом, она не могла больше оплачивать жалования американским экспертам и не могла дальше поку-

пать иностранные машины, в особенности же подвижного состава, средств транспорта, столь для нее жгуче — необходимого.

Советская Россия не имела друзей, и никто лучше Сталинского окружения не знал, что всякая война с иностранной державой явится сигналом к немедленным возстаниям внутри — в особенности на Украине и на Кавказе — родине нефти. Положение было плачевное.

Литвинов спас все. Он внимательно всмотрелся в мировую обстановку, разглядывая ее под углом зрения дипломатии. Он отправился в Вашингтон, завел там речь очень обворожительным образом о возможных уплатах Америке русских долгов, все это в самых туманных выражениях, и добился колоссального успеха признания Америкой Советской России, связанного с громадным для нее престижем, в чем так долго Америка всегда отказывала.

Если он не добился займа, то получил обещание поставки железнодорожного материала, военного, авиационного, все это финансируемого специально созданным Импортно-Экспортным Банком, для которого капитал и кредиты взялась найти сама Америка. Если Советская Россия по сей день не пользуется всеми выгодами этого положения — то этим она обязана советской привычке высказываться слишком цинично-откровенно о глупости буржуазных народов.

На западе Литвинову также повезло: приход Хитлера к власти вызвал взрыв тревоги во всей Европе. Он обозначал в самом недалеком будущем крушение столь тщательно оберегаемого Версальского создания. В частности он обозначал по признанию самих вожаков наци, что, Россия угрожаема на Украине, этой

*) Настоящая статья была помещена в английской газете «Дэйли Мэйль». Она с любезного разрешения автора воспроизводится целиком.

хлебобродной провинции. Германно-Польское соглашение подкрепило это ужасное предположение.

И вот вновь зашла речь о русском «*rouleau compresseur*». Мы уже имели опыт в прошлом с этим «страшилищем». Окажется ли оно в новом советском воплощении лучше — мы не знаем.

Советская камарилья громкогласно утверждает что да.

Никто не сомневается, что советская военная организация весьма внушительна. Советские власти потратили пятнадцать лет на ее созидание и почти все население целиком получило военную подготовку. Но будет ли эта машина работать в час испытания?

В этом позволительно усомниться. С начала до конца советский режим был всегда гигантским блеффом. Он блеффирует собственный народ (при поддержке в случае нужды отрядов ГПУ).

Он блеффирует за границу при посредстве самой лживой пропаганды в мире. Он не позволяет советским гражданам покидать свои границы, разве только в случае какой нибудь официальной миссии. Он впускает иностранцев только под бдительным надзором вечно им сопутствующим и при въезде тщательно цензурует их фотографии и снимки.

Трудно точно знать, что происходит в России. Одно несомненно, из советских газет, которых никто за границей не читает, это то, что колоссальный «модернизм», навязанный примитивной России, функционирует очень плохо.

Надо помнить, что русские всегда остаются русскими. Во времена Екатерины Великой фаворит ея Потемкин импровизировал ряд картонных деревень с пляшущими счастливыми мужиками на пути следования императрицы по новым территориям Крыма. Мужиков специально сотнями тысяч сгоняли и привозили для

этого, а по окончании спектакля на обратном пути десятки тысяч из них поумирали.

Но какое это могло иметь значение? Это была Россия. Россия и теперь страна блеффа. Но в Советской России жертвы насчитываются миллионами. Это не имеет также никакого значения. Запад видит красивые фотографии больших новых заводов, обширных новых гидроэлектрических сооружений, новостей и того и сего... Он читает великолепные статистики. А на самом деле заводы буквально парализованы полным отсутствием координации между государственным трестом и феноменальной неустойчивостью рабочей силы, вечно передвигающейся с места на место в поисках лучшего положения и лучших жизненных условий, благодаря чему заводы работают много хуже, чем могли бы — даже по советской статистике.

А советская статистика, судя по горьким упрекам тамошних газет, фальшива с начала до конца. Заведующие трестами, директора заводов, чиновники — все должны удовлетворять прежде всего требованиям колоссального бюрократизма, утопающего в море официальной переписки. Ни одной статистике верить нельзя.

Это относится не только к промышленности, но и к земледелию и транспорту, железнодорожному и водному. На коллективных фермах блестящие новые тракторы бесполезно ржавеют, благодаря отсутствию починки. На речных пристанях наваленные товары гниют, потому что плохо починенные пароходы то и дело портятся и ломаются так часто, что приводят в отчаяние тех, кто должны составлять оптимистические отчеты для «выше-стоящих лиц».

На железных дорогах, — но об этом лучше и не говорить. История советских железных дорог составила бы целую книгу, и очень забавную. Везде царит по свидетельству советских газет коррупция и невежество.

Не проникнуто также советское население тем общим энтузиазмом, в который хотят нас заставить верить советские пропагандисты и наши салонные большевики. Доказательством тому — массовый террор и массовые расстрелы прошлой зимы. Даже советское правительство не тратит зарядов без всякой причины. Было там нечто серьезное, что надо было вытравить. Республики Украины и Кавказа явным образом ждут только взрыва какой нибудь

войны с иностранной державой, чтобы поднять возстание для освобождения. И советское правительство, считавшее преступлением все, что не называлось «интернационализмом», вызывает теперь к своим гражданам во имя «Родины». Положительно не все благополучно там.

Советская Россия чудовищный блефф. Пусть берегутся те, кто ей доверяют.

Ф. Бриттен Остин.

Крах советского „детвоспитания“

На восемнадцатом году своего царствования, большевики пришли к замечательно «оригинальному» житейскому выводу: дети должны быть воспитываемы их родителями.

Чтобы проделать этот «исторический этап», большевистские законодатели и правители прошли через целый лабиринт фрейдобразных «комплексов», где «лабораторный опыт» начинался над ребенком чуть ли не со дня его рождения на белый свет. Система ясель и боевой лозунг демонстративного равноправия женщин и мужчин, по которому женщина, по советской теории, должна или работать на производстве или же «управлять государством», «освободила» мать от крайне «тягостной» повинности кормления ребенка, что называется «материнским молоком», а вместе с тем и самого ребенка от услуг каких то назойливых «третьих лиц». Едва только ребенок начинал кое как ходить и уже делался таким образом сознательным советским гражданином, начиналась для него счастливая эра «общественной нагрузки» — охота на грызунов, «доклады» начальству относительно благонадёжности «близких» родителей, защита

социалистической собственности от голодных крестьян и пр. — которая должна была бы закалить в нем качества будущего добродетельного большевика и сознательного гражданина.

Советская пресса с умилением вещала нам о первых вехишках ожидаемой человеческой трансформации: решимость и рвение, с которым «поколение октября» выполняло свою большевистскую миссию, задерживало воров социумства, доносило на покушающихся на овец без различия степени родства. Особенно умилялись советские газеты по поводу тех из «октябрат», которые между «чувством долга перед соцгосударством» и сыновним, отдавали явное предпочтение первому, выдавая с головой своего родного отца или родную мать — не говоря уже о более дальних родственниках — кон, для того, чтобы суметь прокормить свое «подрастающее поколение», срезывали колосья или тайком обмальвали «колхозный хлеб».

Всем известны имена «юных героев», которые за подобные заслуги удостоивались высших почестей и наград со стороны благодар-

ного коммунистического правительства, наград долженствовавших воодушевлять остальных «октябрят» на совершение таких же большевических подвигов. Всем памятли эти удивительные стихи, написанные 12-летним Проней Колюбиным, сознательным гражданином социотечества, выдавшим ГПУ сво зомать за ее допущение на колхозный хлеб; с каким удовольствием «Правда» давала вкусить «прелестя» этого «детского эпоса» прочим октябрятам:

«Злой вредитель ты колхоза,
 Мать, ты враг колхозу злой,
 А не любишь раз колхоза,
 Не могу я жить с тобой.

Темной ночью — зимнею, холодной
 От воров колхозный хлеб поставлена
 сласать.

А сама идешь в амбары колхоза
 Хлеб колхозный воровать.

Ты пол-лета лодыря гоняла...
 И сама холодной зимой
 Хлеб ворованный на сено променяла,
 Этим план срываешь посевной.

Семенную роль украдала...
 Обо всем велела мне молчать,
 И тогда мне крепко наказала
 Воровство твое вдвоем лишь знать.

Не могу наказ я твой исполнить:
 То есть тайны никому не выдавать,
 И всю жизнь постышок буду помнить,
 И помощи воровству не буду я давать».

Словом все шло как будто ровно и гладко и безпризорники, это «наследие проклятого капитализма», должны были понемногу преобразовываться в настоящих сознательных большевиков, а октябрьское поколение, растущее в обстановке подобной идиллии и чувства гражданского долга, не должно бы было при-

чинять любвеобильному социотечеству никаких забот...

Как вдруг, «здорово живешь», большевизкая печать завила о неблагополучии по линии советского «детвоспитания», появились новые вереницы безпризорников, которым в некоторых местах (как в Туркестане, например) и счета не могут держать. За одну ночь в Ташкенте облава выявила ооло 300 безпризорников. Но не только одни «безпризорники», у которых нет родителей — масса детей оказывается просто покинутыми родителями; на улицах Москвы сотни и тысячи детей оказываются на положении безпризорников, хулиганят на улице, цепляются за трамван, погибают массами, занимаются воровством, при случа «играют финками» и распарывают животы своим жертвам.

Вдруг узнаем, что прославленные советские школы («при царизме столько то, а при нас вот столько то!») изнывают от засилия хулиганов, держащих под террором не только учащихся, но и учителей; бьют директоров, задевают и насилуют учениц; пьют водку в классе, стреляют из фабрикуемого ими же оружия. Администрация, бессильная в своем «методе воспитания», не знает, что делать, выгоняемые ребята как ни в чем не бывало продолжают посещать школы, угрожая «финками». И вот как завершение этого болезненного явления, партия и правительство издают закон, применяющий к 12-летним правонарушителям «высшую меру социальной защиты», что существуют для взрослых, т. е. смертную казнь! Издается новый декрет об «окончательной ликвидации безпризорности и безнадзорности» детей; ищут виновников скандального поведения «октябрят», и вот мы присутствуем при этой плоской комедии, когда родителей распекают за их «недостаточное внимание» к своим детям; страницы газет заполняются вравоучительными строками о «родительских обязательствах» по отношению

детей, организуются конкурсы «лучшего отца» и прочая и прочая...

К сожалению, казенная советская пресса не сообщает нам того, как реагируют ошеломленные родители на сыпящиеся по их адресу угро-

зы, штрафы — а теперь и тюрьмами — за хулиганство и слишком большую самостоятельность их детей.

А сказать то они могли бы весьма и весьма многое...

Дагестанли.

Кавказ и Россия

П*)

Вспоминается урок русской словесности в одном из старших классов 1-й тифлисской гимназии.

На уроке присутствует приехавший в Тифлис товарищ обер-прокурора Св. Синода В. К. Саблер — помощник и ближайший сотрудник могущественного тогда воришителя российской политики К. П. Победоносцева.

Необходимо блеснуть достижениями обривной руссификации перед влиятельным петербургским сановником, посетившим гимназию, которая имела репутацию образцового в своем роде учреждения. Ее обязательно посещали именитые гости Тифлиса, как государственную достопримечательность. Давно, когда о нынешней «физкультуре», мало думали и почти не говорили, эта гимназия гордилась своими гимнастическими сеансами — сокольскими упражнениями под руководством чехов, своим оркестром, хором и вообще широко поставленным выполнением всей своей просветительной миссии — хорошими преподавателями, возможно расширенной программой образования, литературно-музыкальными утрами, рисовальными классами, церковным пением и т. п.

Гимназией руководил человек действительно культурный — ее директор Л. Л. Марков, брат известного писателя 70-х годов, Евг. Львовича Маркова, и репутация гимназии была такова, что краевая власть считала своим долгом показать ее каждому высокопоставленному и знатному гостю. Побывал в ней в эпоху этого директорства и император Александр III с супругой и со всею свитой, и тогдашний птагьянский престолонаследник нынешний король Виктор-Эммануил, и персидский шах Наср-Эддин, и бухарский эмир, сановники, литераторы и музыканты, П. И. Чайковский и А. Г. Рубинштейн, и все вообще мало-мальски чемнибудь прославленные туристы.

На этот раз на урок русского языка был приведен В. К. Саблер, которому демонстрировались успехи внедрения русской культуры в среду местного юношества.

Учитель, тоже человек сравнительно взглядов широких, на чеховского педагога не похожий, образованный и обходительный, но искренно убежденный, что творит большое государственное дело, заставляя зубрить церковнославянскую грамматику, решил показать, как говорится — «товар лицом».

— Юноши туземцы, встаньте! — провоз-

*) См. «Кавказ» № 14-15.

глашает он зычным голосом. Вся его осанистая наружность, торжественность тона, позы, и полновзвучность голоса дышат сознанием неизбежности успеха, реальностью близкой победы.

Встают шесть армян, три грузина и один мусульманин.

— Слово о полку Игореве, — командует учитель.

«Юноши-туземцы» начинают хором, довольно бойко и смело, в особенности армяне, которые говорят без акцента, — немного запаздывает и заплетается один из грузин, видимо трудно переваривающий текст.

— Не лепо-ли ны бяшеть, братие, начати старыми словесы... и т. д.

В общем все же выходит стройно. Учитель сияет, Соблер благосклонно улыбается.

— Остромирово евангелие, — раздается новая команда.

— Во время оно се влєси от вєтока приидоша, — чеканят «юноши-туземцы», опять с маленьким запаздыванием бедного грузина, который в начале как то гортанно придыхает, а потом почти молкнет под строгостью косога взгляда учителя. Но все же, в общем, хорошо.

— Поучение Мономаха.

— Сєдє на санєх, помєслих в дүшє своєє и похвалих Бєга, иже мє сих днєв...

Саблер в восторге. Жмет руку учителю:

— Прекрасно, прекрасно, я этого не ожидал...

Так тешились люди, не только делая карьеры, но в большинстве искренно веря, что творят нечто поистине государственное, объединяют окраину с центром, создавая единую государственную нацию, восходящую к самым ее первоисточкам церковно-славянской письменности и грамоты древне-русской.

Очень интересно это здесь отметить: грузины считались учениками мало способными,

редко доходившими до аттестата зрелости, обыкновенно бросавшими гимназию в 3-м, 4-м, 5-м классе, как раз на рубеже всех этих остромировых евангелий и поучений Мономаха. Резко выраженную национальную сопротивляемость народа, веками сохранившего в хаосе кавказской истории свою государственность и самобытность, в русских кругах называли неспособностью к культурному развитию.

Искренно не понимали, что это говорит в юношестве здоровый национальный инстинкт, сопротивляясь насилию, что это не минус, а плюс, в исторических судьбах народа — та живучесть упрямого национального неукорства, которую часто бессознательно, но очень резко проявляли грузины.

Ведь этот несчастный «юноша-туземец», с таким напряжением и трудом, и с таким вероятно отвращением обязанный произносить какие то чуждые, мало понятные слова, — он не был, конечно, лишен ни памяти, ни сообразительности и не являл собою пример отсталого развития, а просто все существо его органически отказывалось воспринимать ненужную «тарабарщину», и самый язык его, привыкший к другим созвучиям, плохо подчинялся требуемому от него усилию.

Вспоминается также, как другой грузин в экзаменационном сочинении при переходе из 6-го в 7-й класс написал, что главнокомандующим русской армии под Бородиным был князь Чичиков, и что все поле сражения было покрыто — мертвыми душами. Это сочли таким вопиющим скандалом, что его вовсе удалили из гимназии. Правы или неправы были педагоги — дело не в том, — можно, конечно, предъявлять самые строгие требования, но психология «юноши-туземца», выросшего у себя в деревне, тоже понятна; так далеки от него все эти герои русской истории и русской литературы, — Голенищева он, очевидно, сменил с

Чичаговым, а от Чичагова до Чичикова уж совсем рукой подать, — и созвучие почти тоже, да и где именно говорится по русски — мертвые тела, а где — мертвые души?

Одна из русских газет, издающихся в Париже, напечатала как то, что «Мадам Бовари» — произведение Бальзака. Это, конечно, вопиющее преступление перед французской литературой — спутать таких классиков, как Бальзак и Флобер, но в конце концов случается — иностранцу простительно, — надо исходить из того, что и бедный юноша был всетаки тоже «туземец», что в детстве он обо всех этих господах ровно ничего не слышал и что Голенищевы-Кутузовы, Чичаговы, Чичиковы, Онегины, даже Гоголи и Пушкины, которые внезапно на него посыпались, как из рога изобилия, ровно ничего ему не говорят и путаются в его голове, сближаясь по созвучиям и порождая в отягченном мозгу почти патологический сумбур.

В исторической столице Грузии — спутать имена русских полководцев и литераторов — считалось преступлением, ломавшим всю будущность человека и преграждавшим ему путь к дипломам, столь необходимым для нормального существования в прежней России, надо было на зубок помнить и отчетливо декламировать не только Державина, Пушкина и Лермонтова, но даже Поучение Владимира Мономаха и Слово о Полку Игореве, но можно было блестяще окончить гимназию первым учеником с золотой медалью и быть глубоко убежденным, что Шота Руставели торгует «за вынос и расливочно» в соседнем духане.

Вот как обстояло дело, и вопрос не в строгости кары, а именно в ее направлении.

Не только ученики, но и гордившийся своими достижениями учитель и сам культурный директор мало что могли бы ответить, если бы им пришлось экзаменоваться по несущест-

ствовавшей в программе кафедре кавказоведения, по истории кавказских народов, по их древней письменности, по родственной им литературе персидской. Нечего уже и говорить о знании местных языков в среде русских педагогов.

В этой самой 1-й тифлисской гимназии один только учитель немецкого языка, уважаемый кавказовед, К. Ф. Ган, в точности знал, какое подлинное сокровище художественной литературы представляет собою «Барсова шкура» Руставели, и когда он говорил, что эту поэму приходится сравнивать по свежести, богатству и красоте фантазии и образов с великой эпопеей Гомера, гг. преподаватели классических языков, улыбаясь, покачивали головами:

—Ну уж, добрейший Карл Федорович, мало ли что он выдумает...

Тогда добрый Ган начинал сердиться:

— А вот бы вы почитали, тогда бы увидели, что это выше и финской Калевалы и даже американской «Песни о Гайяват», — впрочем, пожалуй, вы их тоже не знаете...

Знали гг. педагоги Калевалу и Лонгфело или не знали — судить не берусь, но что мы, русские юноши, получавшие среднее образование в Тифлисе, ровно ничего в гимназии не слышали ни о Руставели, и его поэме, ни о славном прошлом Грузии, ни о столь близкой Кавказу персидской литературе, ни вообще о большой древней культуре передней Азии — это, увы, факт несомненный. О царице Тамар знали только по Лермонтовскому стихотворению, что жила во время оно «в глубокой теснине Дарьяла» очень лепкомысленная и кровожадная дама, зазывавшая к себе на ночлет всех мимо ехавших и шедших кушцов, пастухов и воинов. Вообще к Кавказу до России отношения наших учителей и воспитателей было какое-то поверхностно-покровительственное, с

оттенком некоторого презрения: «из этих, мол, дикарей людей делаем»...

Руссификаторская политика на Кавказе особенно энергично и грубо проводившаяся за последние два царствования, никакой, конечно, единой государственной нации создать не могла, а только сгущала атмосферу взаимного недоверия, неприязни и разобщения.

Руководители московского коммунизма это прекрасно понимают: нельзя в такой разноплеменной стране опираться только на центральные силы, только на коренную нацию. Ведя по существу все ту же империалистическую политику старой России, они везде на местах стараются образовать сочувственные им кадры местных людей. Разумеется, по образному

евангельскому выражению, они дают змею вместо рыбы и камень вместо хлеба, но основной обман своей обычной демагогии они облачают в формы якобы признания естественных национальных прав.

Они насильственно внедряют коммунизм, грабят и морально извращают население, тем самым кладя основы своего государственного господства (цель та же, что была и у старой власти), но они открыто не покушаются на национальное самосознание, а обычно стараются его использовать для себя.

Поистине — из огня в польмя. Дорого платит Кавказ за свое вовлечение в орбиту российской истории.

В. Оленин.

Итоги 14 лет

(ОКОНЧАНИЕ)

В предыдущих номерах «Кавказа» мы с достаточной объективностью рассказали о характере «деятельности» той части кавказской эмиграции, которой руководят меньшевики и оставшаяся в меньшинстве группа муссавитов. В представлении этих групп «деятельность» эта полна огромных заслуг в борьбе народов Кавказа за независимость.

Действительно, в первые годы нашего пребывания в эмиграции круги эти проявляли некоторую «активность». Это относится к тому периоду, когда Н. В. Рамишвили делал политику грузинских меньшевиков. Как же проявлялась эта активность, якобы в помощь борющимся народам Кавказа? Об этом красноречиво свидетельствует нашумевшая история с Ваном Барцивадзе. Дело в том, что меньшевики несколько раз пытались послать своих людей

на Кавказ на розыски меньшевиков, оставшихся верными Джордания; а розыскивать их надо было, так как почти вся партия целиком влилась в партию большевиков. Ван Барцивадзе был одним из этих посланцев. Но его постигла та же неудача, что и других. Он был арестован агентами чеки и при нем нашли инструкции Джордания и Рамишвили меньшевикам в Грузии, сводившиеся к тому, чтобы сделать все для того, чтобы не допустить роста влияния национал-демократов и других националистских элементов в Грузии. Вот подлинное лицо меньшевиков и их патриотизм! Большевики тотчас же их опубликовали, но это обстоятельство не помешало, однако, нескольким нац-демократам оставаться рядом с меньшевиками и по сей день.

Не ставем, однако, бесконечно продол-

жать перечень этих «заслуг» меньшевиков перед Грузией и Кавказом.

По совести нужно признать, что в этой деятельности меньшевиков и их попутчиков муссаватистов мы кроме жестоких и злостных проступков, заслуг не видим.

К сожалению эти проступки нельзя назвать ошибками, ибо в их деятельности нет желания оглянуться на пройденный путь, учесть промахи и сделать из этого необходимые выводы. Наоборот, мы наблюдаем какую то упрямую тенденцию продолжать мещанское прозябание.

Под водительством меньшевиков и их сбиты кавказская эмиграция, окунувшись с головой в болото внутренних мещанских дрызг и интриг, подходит как будто бы уже вплотную к историческим событиям, которые могут в любой момент разразиться на нашей нестрадавшей родине. Деятельность эта в течение 14 лет полна такого позора, что история сурово покарает не только лидеров грузинского меньшевизма и азербайджанского муссаватизма, но и нас, спокойно наблюдавших до сих пор как они разлагали всеми способами кавказскую эмиграцию. Чтобы это увидеть, достаточно взглянуть на всю прессу этого фронта.

Здесь об этом приходится говорить не для того, чтобы умножить число этих органов печати. Есть много кавказцев не читающих ни «Буртулуша» ни «Брძოლის Хმა». Делу же нельзя помочь, закрывая на все глаза. Политики молчания мы придерживались в течение 14 лет и признаемся, что поступая так, мы совершали преступление перед нашими народами. Нужно надеяться, что в дальнейшем кавказская национальная пресса ничего не будет замалчивать, ибо нет ничего сильнее авторитета общественного мнения. Необходимо, чтобы на родине знали всех. Минувшие 14 лет нашего пребывания в эмиграции не только нужно считать

со счетов борьбы за дело Кавказа, а наоборот, требуется огромная работа и самая тесная спайка всех националистских групп, чтобы засыпать эту глубокую пропасть полную доверху мещанских интриг и дрызг.

**

Имея перед собой эту безотрадную картину, и все же полон надежд, что в исторических судьбах народов Кавказа деятельность национальной эмиграции может сыграть большую положительную роль. В той или иной форме, как мы знаем, борьба на нашей родине не прекращалась и продолжается. Мы обязаны в эту борьбу внести свою лепту. Но для этого необходимо организационное объединение всех националистских групп Кавказа, не делающих двух политик, как это мы видели в инструкциях Карцивадзе и в деле Гамкрелидзе. Пропагандой идеи конфедерации, как это делает наперегонки пресса меньшевиков и муссаватистов, задним числом с опозданием на... 20 лет, нам уже не приходится заниматься.

Проблема конфедерации, как мы уже высказывались в предыдущих номерах «Кавказа» не только не нуждается в какой либо пропаганде, но по соображениям объективного характера, в силу исторически сложившихся на Кавказе обстоятельств, представляется нам основательно потрепаннейшей.

Лучшей пропаганды, чем явился большевистский режим в течение 15 лет на Кавказе представить себе невозможно. Если в этой пропаганде нуждаются еще меньшевики и муссаватисты в эмиграции, то наши народы на своей спине очень хорошо усвоили все значение политического устройства Кавказа на началах полного или самого тесного объединения.

К этому нужно добавить, что большевики, желая опередить нас, создали в Закавказьи не

конфедерацию, а федерацию. Теоретически — это шаг вперед. Продолжая биться за конфедерацию мы стали бы «ломиться в открытую дверь».

Таким образом здесь между нами изучение вопроса должно преследовать цели о более тесной и совершенной форме объединения народов Кавказа.

Кстати, мы горцы не одиноки в своей позиции в этом кардинальном вопросе. Наш талантливый молодой юрист-государствовед М. Мухелишвили стоит на этой же позиции, вразумительно изложив нам в предыдущих номерах «Кавказа» минусы устарелой конфедерации и плюсы более тесного объединения.

Исходя из этого установленного факта, нам не приходится терять время на бесплодную и ненужную пропаганду конфедеративной идеи. Пусть об этом продолжают кричать те, кто в годы независимости отмахнулся от конфедерации и погубили вместе с ней и независимость наших народов, отдав их снова в московское рабство. Мы же, как говорит Мухелишвили, будем культивировать идею **кавказца**, как политического понятия, как понятия нации.

Это — великая идея, большая проблема в реализации которой, надо полагать, мы во время примем участие.

***

Политическое положение, как оно нам представляется на Кавказе и в Москве по данным, идущим отсюда с одной стороны, а с другой — соглашения советом с внешним миром, как будто проливают некоторый свет на грядущие события. Теперь модно быть пацифистом, вернее — модно говорить о пацифизме и потому, что о нем много говорят и мир охвачен эпидемией пактомании у меня это вызывает не успокоение, а наоборот, уверенность, что мы

идем к новым большим мировым событиям. Мы, кавказцы, не должны себя усыплять влиянием этой эпидемии пактов, а наоборот сделать все для того, чтобы эти события не захватили наши народы врасплох.

Весьма показательна и позднейшая внутренняя политика Советов. Нет сомнения, что Советы предвидят наступление этих грозных мировых событий и определенно начали задабривать рус. крестьян и другие национальности.

Не менее существенное влияние оказывает и будет оказывать на внутреннюю политику Советов и заключение франко-советского союза. Франция должна знать положение Советов. В нынешнем состоянии Советы — плохой союзник. Само собой разумеется, что Франция желала бы, чтобы ее союзник СССР представлял бы из себя сильную в военном отношении державу и вполне надежную. В этом направлении неизбежно соответствующее влияние на внутреннюю политику Советов, в которой великодержавный империализм снова получает весьма могущественное подспорье.

Все это вместе взятое вселяет серьезную тревогу, что события приближаются и могут грянуть скорее, чем народы Кавказа будут к ним готовы.

Складывающаяся обстановка определяет и ту роль, которую мы националисты обязаны выполнить, а именно дать нашим борющимся народам то, чего у них нет и без чего никакая успешная борьба не возможна.

Я имею в виду прежде всего установление более регулярной связи народов Кавказа со всем остальным миром. Осведомление Кавказа о происходящих событиях является одной из главных функций работы, пребывающей здесь эмиграции. Необходимо усилить нашу работу в этом направлении.

Советская внешняя и внутренняя политика тесно связаны с тревожной международной

конъюнктурой. Причинная связь советской политики с назревающими событиями должна быть лучше и полнее понята нашим народом, да и самим русским народом тоже. В той длительной многолетней борьбе, которую народы Кавказа ведут за свое освобождение такого рода связь с мировыми событиями имеет первостепенное значение. Выполнению этой зада-

чи кавказские националисты должны посвятить всю свою энергию и силы.

Всякая иная форма работы подобна будет жалкой деятельности тех кругов, которые мы критикуем, и фатально обречена на прозябание и мещанское существование.

Тамбий Елекхоти.

Генерал И. З. Одишелидзе о причинах поражения Грузии

Настоящий доклад бы прочитан генералом Одишилидзе в декабре 1921 года в Константинополе перед группой бывших членов Грузинского Учредительного Собрания. Размеры доклада вынудили нас сделать в нем некоторые не-существенные купюры въ тех его частях, которые носят личный характер и имеют целью выгородить или смягчить ответственность генерала в происшедших событиях.

Генерал И. З. Одишелидзе, офицер Русского Генерального Штаба, награжденный Георгиевским крестом в русско - японскую кампанию, — занимал во время великой войны высокие посты, вплоть до должности Командующего Армией. В начале революции с должности Командующего 3-й Армией, оперировавшей на Западном фронте, он был назначен Командующим Кавказской Армией. С момента своего приезда на Кавказ и до оставления Тифлиса Грузинским Правительством генерал Одишелидзе находился в самых тесных отношениях и близком сотрудничестве с грузинскими меньшевиками. В период независимости Грузии он был Главнокомандующим Армией, Товарищем Военного Министра, выполнял чрезвычайно ответственные миссии за границей и участвовал в работе грузинских делегаций в Трапезунде, Батуме, Константинополе и Париже. — Свидетельство этого генерала, бывшего все время в непосредственной близости к Социалистическому Правительству Грузии и имевшего возможность наблюдать изнутри за всеми его мероприятиями, направленными к обезпечению оборны страны — не может не представлять совершенно исключительного интереса.

РЕД.

Одна из причин наших поражений — роль
вождей нашей социал - демократической пар-
тии в организации нашей армии и в подго-

товке к войне. Я в организации и подготов-
ке не участвовал.

Этот доклад я делаю по настойчивой и по-

вторной просьбе членов Учредительного Собрания С.-Д. меньшевиков. У вас, меньшевиков, есть одна партийная черта, общая со всеми правящими партиями, прошедшими перед моими глазами. Если человек не вашей партии, работает с вами и во время работы с вами приличен, нешумлив и умеет не только сказать свое, но и выслушать вас и кое в чем даже согласиться с вами, вы немедленно решаете, что этот человек угрожает вам из каких то побочных соображений. Если он ярок и правдив и резок в своих выражениях, он вам непременно враг. Я не знаю какими вам покажутся предстоящие мои два доклада, но я вас прошу хоть сегодня освободиться от этой партийной гордости и партийного самодушия и взглянуть на меня, как на человека, который в прошлом не имел никаких оснований пресмыкаться перед вами, ибо мне с вами всегда было голодно, холодно и безконечно обидно, но зато который имел очень много глубочайших оснований сочувствовать вашим целям и стремлениям и не будучи с вами в партии все таки болеть вашими болезнями, чувствовать вашу горе, и радоваться вашими радостями. Не очень я был демонстративен в своих чувствах и переживаниях, но я был искренен, ибо это все соответствовало складу моей души и было по моему убеждению жизнью моей родины, которую, скажу кстати, вы долго не признавали. Тем менее оснований у меня быть вам приятным сейчас. Поэтому там, где я буду мягок в выражениях, да не покажется вам, что старый генерал лебезит перед вами. Но будут у меня в особенности вот в этом первом моем докладе и неприятные слова, ибо я грузин, а всем грузинам есть, что сказать вам неприятного и у каждого не мало. Но это неприятное я надеюсь вы не примите за выражение моей злобы, обиды или мелкой мести. Я просто буду называть вещи их име-

нами и говорить правду, так, как она мне представляется. Эта правда возможно никого из вас не удовлетворит: я должен вас предупредить, что я не имею возможности сделать вам вполне объективный доклад всецело поддержанный документами. Объективного доклада я не могу сделать потому, во первых, что объективных докладов не бывает, а во вторых потому, что мне бы хотелось сегодня быть имсине вполне субъективным. Я хочу вам представить отчет в моей личной работе по организации нашей армии и подготовке страны к обороне и определить перед вами степень и долю той ответственности, которая по моему мнению лежит на мне. Документального доклада я вам представить не могу потому, что узнал об отступлении нашей армии из Тифлиса только за час до отхода правительственного поезда; я совершенно не ожидал этого отступления и не получил никаких средств передвижения, я пришел пешком с горы Св. Давида на вокзал к правительственному поезду в полночь, за пятнадцать минут до назначенного отхода и мог принести с собою только одну смену белья. О документах нечего было и думать: Генеральный Штаб должен был бросить их на произвол судьбы: так неожиданно было для меня, да и для всех, решение оставить Тифлис. Итак все в моих словах будет субъективно и все почти бездокументально. Но здесь есть живые документы, как генерал Казбек и Захариадзе, ген. Конев и члены Штаба Народной Гвардии.

Некоторая доля моей ответственности, как будто начинается с того момента, когда я был назначен членом вновь сформировавшегося военного совета. Но нужно знать во что вылилась деятельность военного совета. Он состоял из семи членов: четырех меньшевиков и трех генералов. Четыре меньшевика были: военный министр, он же и председатель и три члена Штаба Народной

Гвардии — пропорциональность довольно искусственная, имевшая особую цель... все члены должны были быть постоянными и назначались по закону приказом Правительства. На самом деле назначены были только генералы и министр; Штаб Гвардии присылал каждый раз новых, когда он хотел и даже иногда, сколько он хотел. Откровенно говоря я до сих пор не знаю, кто же был членом военного совета от Народной Гвардии. Чаще других я видел Джугели, Ауштрова, Хараша, В. Джибладзе, Дгебуадзе; но бывали и другие. Военный Совет был коллективным начальником хозяйственного комитета и Гогуа, был его председателем. Но Гогуа, получив от кого то тайные, почти совершенно диктаторские права и какие то от кого то особые полномочия, ни разу за все время существования военного совета не исполнил ни одного его постановления, имеющего какое либо значение. Да и в самом хозяйственном комитете никакой коллективной работы он не позволял. Распоряжался Гогуа один, работая одновременно еще в нескольких других учреждениях не военного ведомства и считал свою работу в военном министерстве второстепенной; его почти всегда искали целыми днями, чтобы заставить подписать хотя бы срочные распоряжения. В виде протеста против этого Штаб Народной Гвардии отозвал из Хозяйственного Комитета своего штатного члена Хараша и нового более не назначил. Характерная подробность: штаб Народной Гвардии считал себя в праве, когда он разсердится отменять штаты и законы, вторя этим самым своеволию Гогуа и его презрению к законам и штатам. Но г. Гогуа кто то таинственный и сильный дал тайную власть и тайные права... Но кто дал такое же право в том же учреждении Штабу Народной Гвардии? Вы думаете такая многогранная диктатура в просторечии называемая анархией или просто безтолковщиной, способствует под-

готовке армии и страны к войне? Военные члены Военного Совета и особенно лично я неоднократно докладывали Военному Министру, что работа Совета ненормальна, непродуктивна и расход на его содержание безцелен, т. е. хозяйственного комитета, которым должен был руководить Военный Совет, фактически не существует, а существует безответственный Гогуа, не знающий военного дела и довольно таки безтолковый. В ответ на это военный министр сделал работу Военного Совета еще ненормальнее: по его распоряжению, если не было в совете члена от Штаба Народной Гвардии, Совет не имел права приступить к работе. К этому нужно добавить, что члены Штаба Народной Гвардии очень неаккуратно посещали заседания Военного Совета, и по отметкам, которые я просил вести секретаря, из всего числа назначенных заседаний около половины не состоялось, потому что не прибыли члены от Штаба Народной Гвардии, хотя вместе с митингом кворум всегда был налицо, ибо военные всегда являлись в назначенный день и час. Итак из семи — четыре члена — меньшевики и без членов Штаба Гвардии, Совет работать не мог. При таком положении работ Военного Совета, при такой усиленно подчеркнутой роли Штаба Народной Гвардии, ни один военный член его не может считаться ответственным за работу Совета и в числе их, конечно, и я. Я два раза просил уволить меня, но каждый раз министр уверял меня, что скоро все переменится и просил не поднимать шума и не мешать естественному ходу вещей: т. е. естественному исчезновению Гвардии. Вот здесь я должен сознаться в своей великой вине перед родиной: я не должен был верить, что когда либо Гвардия добровольно уйдет, что я и мои товарищи, когда либо будем иметь голос и что когда либо мы, как знатоки дела, самостоятельно и без помехи незнающих и непонимающих людей при-

ступим к делу действительного устройства армии: я должен был уйти. Мало этого я согрешил еще в другом, в более важном. В середине января 1920 года, т. е. приблизительно за год до нападения на нас красной армии, я по усиленным просьбам Рамшвили и Лордкипанидзе, согласился принять должность второго товарища Военного Министра по строевой части, т. е. по обучению и полевой подготовке, иначе говоря, по натаскиванию войск в полевых действиях. Меня убедили, что никто мне мешать не будет, и чтобы подчеркнуть мои исключительно строевые функции, мне особым приказом подчинили только строевые части, а Генеральный Штаб и Личный Отдел постольку, поскольку они касались строевых частей. Хозяйственный Комитет, снабжение войск, их вооружение, обоз и устройство тыла остались в руках самого министра, ибо распоряжений другого товарища министра Гедеванова, Гогуа, упразднивший фактически хозяйственный комитет, не исполнял, а делал то, что он лично и какие то скрытые для нас силы, им руководившие, находили полезным для армии. Что это были за силы, я не знаю, но Гогуа был постоянно вне Военного Министерства, я его например не раз видел непосредственно докладывающим самому Председателю Правительства. Короче говоря, три четверти всей военной подготовки Государства, самые сложные и delicate вопросы, требующие громадного и продолжительного военно - административного опыта, и юридически и фактически находились непосредственно и исключительно в руках таких знатоков военного дела, как Лордкипанидзе, выдающийся земский деятель, Чичинадзе, отличный врач, Гогуа, хороший корабельный техник. Лордкипанидзе скоро уехали, вероятно за то, что он обладал действительным и блестящим государственным умом. Это качество оказалось для Военного Министра такою же роскошью,

как знание военного дела. Остались Чичинадзе и Гогуа. 15-го января 1920 года я вступил в фактическое исправление должности помощника военного министра по строевой части и начал учить войска. Но уже в первых числах февраля, т. е. через две недели прекратились всякие занятия: мы начали операции против Батума и одни части начали тяжелый зимний поход через Хавиорский и Арсианский хребты, другие готовились к походу.

В начале октября 1920 года генерал Квинитадзе фактически кончил деятельность главнокомандующего, и я вступил в права товарища министра «по строевой части», ибо все остальное, т. е. подготовка тыла, снаряжения, вооружения, обозов, конского состава и проч. было опять таки вне моей компетенции — этим занимался самодержавный Гогуа, не подчиненный мне ни в какой степени и руководившийся в своих действиях указаниями министра и самого Председателя Правительства. Он был, повторяю, на особом положении и действовал по особым секретным указаниям. К этому я должен добавить, что еще никто не знал, кто предназначается в главнокомандующие. Я усиленно просил военного министра заранее предначертать главнокомандующего и предупредить его об этом. Причем я всегда обращал внимание его на то, что Квинитадзе охотно берется за это дело и потому следует назначить его: все остальные генералы не хотели. Дать ему определенный круг обязанностей и прав и вообще сделать его ответственным по подготовке войск и театра. Это очень важно, и страны, которым, как вам, угрожает постоянная опасность, всегда имеют так называемого инспектора всей армии, т. е. скрытого главнокомандующего с определенными правами. Но это, заметьте, никогда не правится социалистам, и там, где они правят, там они этого не допускают. На мой пред-

ставления военные министры, которых было четыре — за три года, отвечали неопределенными жестами, они всегда, все три года нашего существования куда то торопились, имели вид людей, делающих где то в другом, более важном месте, другое, более важное дело. Все это внушало мне серьезное беспокойство, — я ясно видел, что на словах все считали военное дело наиболее важным, и Правительство в ежедневной программе занятий на первом месте ставило военные вопросы, но... только ставило... никогда не решало ничего существенного. Поэтому, тотчас же по приезде из Европы, где мы получили очень немного оружия, я, с разрешения военного министра, сделал официальный доклад Правительству. Это, насколько помню, было в октябре 1920 года. И это было не первый раз. Через месяц, в ноябре 1920 г. я, видя бездействие Правительства, письменно повторил свой доклад, который Воен. Мин. Лордкипанидзе, как вам засвидетельствует начальник Штаба Захарадзе, назвал сплошной фантазией из моей головы. Фантазия эта состояла в изложении военной и политической обстановке, весьма угрожающей для нас, причем я фактически и цифрами доказал, что ни наша армия, ни наша страна к обороне совершенно не готовы. Содержание этого доклада и по форме и по существу, по фактам и цифрам, совершенно такое же, как и мой доклад от 3-го января 1921 г., который я вам сейчас прочту; не было только документа Геккера. Мне возражали все, решительно все, и на мое вычисление, что для борьбы с Россией необходимо самое меньшее 75.000 армия, действующая и 75.000 подготовленного резерва — Н. Б. Рамишвили, свободно и самоуверенно доказал всему Министерству (но не мне, конечно), что 25.000 достаточно за глаза. После этого доклада я результатов его обсуждения и в особенности после того, как мой ноябрьский доклад был назван моей

фантазией, мною овладели тоска и уныние. В этом же ноябре месяце 1920 г. в соединенном заседании двух комиссий Учредительного Собрании, военных и иностранных дел, в присутствии, если не ошибаюсь, и президиума Учред. Собрания (Ломтатидзе) и, как помнится, даже и представителей фракций (я помню Гвазаву) я делал свой третий доклад, воспользовавшись тем, что Воен. Мин. отсутствовал, и я его заменяю. В этом докладе за два месяца — третьем по счету, я был настолько ярок в своем изложении нашей полной неподготовленности к борьбе, настолько настойчив в требованиях определенных цифр и настолько уверен, что на нас готовится нападение, что произвел на все собрание угнетающее впечатление. Мне не поверили. Немедленно послали за Ноем Рамишвили, который совершенно успокоил собрание, а про армию и ее неподготовленность забыли: фактам, цифрам и мнению специалиста не поверили, а смелым мыслям и словам Ноя Влессарионовича, подкрепленным такими аргументами, как «я вас уверяю», «я убежден», «генерал привык к русским старым масштабам», — поверили.

Несколько повторных бесед с Воен. Мин. убедили меня, что никто ясно и отчетливо не предчувствуют большой беды, нависшей над нашей родиной, и 1-го января (написано 1-го, а подано 3-го января 1921 г., № 64/49) я подал вновь письменный доклад (по счету это был четвертый за три месяца), сущность и скелет которого есть не более и не менее, как еще одно лишнее письменное повторение того, что я докладывал двум комиссиям Учр. Собрания и официально и неофициально много раз устно говорил тем, кто имел право, поднятием пальцев одобрять или не одобрять предложений генералов. Правда, я говорил об этом без шума, без крика, без забегания задними ногами в Центральный Ко-

митет или к Председателю Пр-ва; без позы и без угроз отставкой... И это, как объяснил мне здесь присутствующий М. Г. Хомерики, и есть главное мое преступление... может быть... члены Ц. К. и председатель Пр-ва, не верившие мне на заседаниях Пр-ва и в Комиссиях Учр. Собрания, поверили бы мне в Центр.

Комитете? Позвольте вас познакомить с этим единственным документом, оставшимся в моих руках. Документ очень важен, как вы увидите. (Доклад от 3-го января 1921 г.).

И. Одишелидзе.

(Продолжение следует)

По свежим следам большевицкого разгрома

Как известно, политика коллективизации сельских хозяйств, проводившаяся большевиками в 1929-30-31 гг., породила на Кавказе серьезное брожение в умах крестьян всех четырех народов. Эта жестокая мера московских интернационалистов была той каплей, которая переполнила чашу терпения кавказского населения, имеющего свои вековые традиции и взгляды на вещи, такие разные с кощущей Москвы. Во многих местах Кавказа население прибегло к оружию, пытаясь в такой неравной, но мужественной и благородной борьбе, отстоять как свое трудовое достоинство, так и свою поруганную «колхозным» строем честь.

Нижеследующие наброски, сделанные одним азербайджанским студентом, на днях бежавшим из большевицкого ада и находящимся сейчас в Турции, представляют отдельные эпизоды этой борьбы в Азербайджане и в районе Закатал, где местные восстания приняли особенно острую форму. Эти заметки, набросанные под свежим впечатлением виденного и слышанного, обнимают, конечно, лишь часть той кровавой эпопеи, которая превратила целые цветущие районы в груды развалин, над которыми проливались слезы матерей и сестер, от-

важных борцов против московских насильников.

Разумеется, красная печать об этой кровавой эпопее не обмолвилась ни одним словом.

I.

ОТЦОВСКОЕ ГОРЕ

В январе 1930-31 года, крупные военные силы были переброшены большевиками в районы Шеки (Нух) и Закатал. Дислокация эта имела трехкратную цель: навести еще большую панику на «крамольное» население и под шумок этого военного шлоложения, довершить разоружение населения и разделаться по своему с еще не успевшими быть расстрелянными главарями и инициаторами повстанческого движения.

Когда я приехал в сел. Х.*), раскинутое на опушке леса тянувшегося вдоль Алазани, мне нетрудно было, ознакомившись с настроениями и внутренними переживаниями населения, за-

*) По понятной причине редакция обозначает условно название селения, о котором идет речь, а также и меняет собственные имена действующих лиц.

вязать дружбу со всеми, как с молодыми, так и со стариками. Горе, обуревавшее всех нас, склоняло к этой интимности. Часто мы делились нашими общими тягостными впечатлениями от произвола насильнической власти, завладевшей коварно нашей прекрасной родиной.

Собравшись около мечети, где забытое население ищет духовной опоры, крестьяне ведут беседу втихомолку, жалуясь на произвол и насилие оккупационной чужеземной силы. Все слушают со вниманием и уважением все что говорит один седовласый старик, с симпатичным грустным лицом, которое иногда озаряется приветливой улыбкой. Он обращается ко мне, показывает свои седины:

— Сын мой, видишь эти седины? Давно я живу на белом свете. Много я видел в жизни, и хорошего и худого. Прожил под тремя русскими царями, жилось не плохо, но никогда в жизни я не видел столько зла, что творит теперь это новое русское правительство... Да можно ли назвать его правительством?.. Мы разорены, в вечном трауре... Смотри на этих собравшихся в ограде мечети: ты редко встретишь среди них молодых. Где же они? Они гниют в далеких уголках России, они заперты в тюрьмы. Кто смеет провозгласить правду, того постигает такая же участь...

Видно было, что еще многое хотелось сказать старику, но обведя взглядом вокруг себя, он опохватился: времена настали другие — нельзя излить свою горечь даже в словах.

— Становится холодно, — сказал он, посмотрев на меня многозначительно. — Зайдем домой, там продолжим нашу беседу.

Мы направились к нему. Увидев гостя, жена и невестка его, вышли к нам навстречу и с приветливым «добро пожаловать», оставили нас одних. Невестка принесла фрукты: яблوك и груш, свежих, как будто только что были сорваны с веток. Здесь хранят эти фрукты в ко-

лодках, завернув их в сено; таким образом они сохраняют свою первоначальную свежесть.

Заметив желание старика выложить все то, что у него наболело на душе, я попросил его рассказать подробности восстания весны прошлого года. Глаза моего собеседника наполнились слезами и он не выдержав, зарыдал как ребенок: его собственный сын, муж этой молодой женщины, которая только что принесла нам фрукты, пал в этой героической, но неравной борьбе.

Вот что мне поведал старик:

— Весной 1930 года, когда красные узурпаторы проводили свою политику коллективизации, крестьянство Азербайджана, возмущенное до глубины души, не выдержало.

Мой сын, Магомет, мне сообщил о намерении активных сил крестьянства ответить оружием на провокацию врага. Я стал его уговаривать остерегаться его горькими примерами многочисленных восстаний, ганджинского, карабахского, грузинского и пр. Но ничто не могло поколебать его решимости. Он мне поведал, что повстанцы не будут обречены на свою собственную судьбу, что братский турецкий народ, однажды уже освободивший нас от тех же красных узурпаторов, и на сей раз поможет нам; он указал на то, что вернувшиеся недавно с турецкой границы, уверяют о решении турецких частей стоящих в Сарыкамыше и Ардагане, двинутся на помощь своих сородичей... Так бодрящее солнце весны вселяло надежды в людские души.

Движение началось в Гойнуке, крупном селе Шекинского района, куда стеклись вооруженные отряды повстанцев из окрестных сел и соединенными силами повели наступление на Шеки. Захвативши город, повстанцы частью расстреляли и частью арестовали всех властных имущих большевиков. В тот же день движение началось и в Закапальском районе, где кре-

стьяне из двух крупных селений Кувах и Балакенд, направились к городу, имея стычки с правительственными силами. Большинство наступающих было вооружено топорами, пашками, кинжалами или ружьями старого образца; но это не останавливало их рвения. Когда повстанцы увидели аэропланы, курсирующие между Тифлисом и Баку, принимая желание за реальность, они кричали что аэропланы эти турецкие и прилетели они на помощь повстанцам...

Как далеки, увы, были несчастные от истины!

Закаталы так же были взяты повстанцами; сейчас же как в Шеки, там была организована новая власть и заключенные в тюрьмах были освобождены. Женщины и старики плакали от умиления и возносили молитвы Всевышнему, освободившему их от кошмарного ига.

Увы, радость населения была кратковременна. Через 10-12 дней, появились большевистские части, поддержанные броневиками и танками. Отобрав сперва Шеки из рук повстанцев и расправившись кровавожадно с населением, большевистский карательный отряд появился в сел. Балакенд и в Закаталах. Население решило сопротивляться. В прошедших боях, где крестьяне дрались с большим ожесточением и стойкостью, красные части понесли большие потери, но дело решила техника: пулеметный огонь блиндированных автомобилей и танков, причинил такие жестокие потери, что поредевшие ряды повстанцев, наконец, не выдержали и ушли в леса и в горы...

В этом месте рассказа голос старика дрогнул; он умолок и слезы брызнули вновь из его глаз.

— Мой сын, моя опора, погиб в этом бою... Я искал и опознал его труп изрешетенный 5-ю пулями... Желтые глыбы отняли у меня труп

моего родного сына, не захотели нам дать это последнее утешение похоронить его согласно нашему обряду...

Крестьяне Кувахы все еще не сдавались. Они подпилили сваи под деревянным мостом, ведущим к селению, и сами запрятавшись в траншеях или за камнями и деревьями, ждали прибытия неприятеля. Подпустив красных совсем близко, они открыли убийственный и меткий огонь; большевики не выдержав, повернули обратно. Но остановленные их командиром, вновь вернулись под прикрытием танка, который, вступив на мост, свалился в пропасть... На следующий день мост был исправлен, и успешные части красных повели вновь атаку на позиции повстанцев, у которых патроны были на исходе. Благодаря этому обстоятельству большевики вошли в селение и сейчас же ознаменовали свою победу расстрелом десятков «кулаков» — на самом деле людей более или менее видных среди населения. Репрессии большевиков этим не ограничились: они оставили много войска в селении и в окрестностях, дабы облегчить органам ГПУ безболезненно расправиться с населением. Период арестов и расстрелов не был еще закончен. Вот почему крестьяне, забитые, заправленные, ждали каждую минуту возобновления массовых расстрелов.

Несчастный старик, в безпомощной ненависти против узурпаторов, возносил руки к небу, призывая на голову пришельцев гнев и месть Всевышнего.

С чувством глубокого волнения, я покинул моего собеседника, который, даже в эти минуты тяжелого горя не изменив славному казакскому алату, настоял на том, чтобы я разделал с ним его скудный «хинкал».

Мухаджир.

(Продолжение следует)

Иstanbul, апрель 1935.

О золотых часах и о прочем

(ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ Г. УРАТАДЗЕ)

ОТВЕТ Г-НУ Ш. АМИРЕДЖИБИ.

В газ. «Кавказ» № 4/16 (апрель 1935 г.) помещена статья бывшего князя, а ныне псаломщика грузинской церкви, г-на Ш. Амiredжиби «Марксизм и национальная политика». Вся вторая половина этой статьи полная совершенно лживыми измышлениями, направлена лично против меня. Если бы статья эта была напечатана в грузинской прессе, я прошел бы мимо нея, ибо грузинские читатели хорошо знают и меня и г-на Амiredжиби, но читатели «Кавказа», мало знакомые с полемическими приемами г-на Амiredжиби, могут быть ею введены в заблуждение и это обстоятельство вынуждает меня просить Вас, господин Жеран, на основании французского закона (от 29 июля 1881 г. и. 13, дополненный законом 29-го сентября 1919 г.) напечатать в ближайшем номере «Кавказа» этот мой ответ на том же самом месте, где была напечатана названная статья г-на Амiredжиби.

Г-н Амiredжиби пишет:

1. Что я учился в семинарии. Я никогда в семинарии не учился;

2. Что после семинарии я учился в ветеринарном институте; — и это неправда;

3. Что в 1903-4-5 года я, не будучи священником, но в облачении священника и с евангелием в руке, являлся деревенскому сходу и приводил грузинских крестьян к присяге Марксу; — сплошной вымысел: никогда в целях пропаганды я не пользовался ни священническим облачением, ни евангелием;

4. Что в 1917 году я заседал во всех советах Тифлиса; в указанном году я постоянно проживал в Кутаисе и ни в каких тифлиских советах я не заседал;

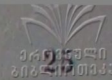
5. Что я уехал в Москву в эпоху Грузинского Парламента; очевидно г-ну Амiredжиби еще неизвестно, что Груз. Парламент кончил свое существование еще в начал 1919 года, а я уехал в Москву в начале 1920 года — в эпоху Учредительного Собрания;

6. Когда узнали, что Уратадзе вел переговоры в Москве, запросили министра иностранных дел, но он отозвался полным неведением и в знак протеста заявил о своей отставке; никто и никогда по этому поводу не обращался к Министру Иност. дел, и он не мог отозваться неведением, ибо я уехал в Москву с его письменным мандатом; следовательно он не мог заявить протеста и тем более не имел основания, — да и не думал — подавать в отставку;

7. Что, приехав в Москву, я повел переговоры прямо с Лениным; в действительности я вел переговоры сначала с Чичериним, а потом с Караханом, уполномоченными Совнаркома;

8. Мое пребывание в Москве г-н Амiredжиби приурочивает к эпохе Сан Ремо, тогда как в это время я был еще в дороге, следовательно Ленин не мог мне «не давать ответа», как об этом повествует г-н Амiredжиби. По прибытии в Москву, я немедленно вошел в переговоры и согласие на заключение договора последовало без замедления; в продолжение одной недели договор уже был готов и подписан.

Договор этот был доложен Учредительному Собранию еще до моего возвращения в Грузию и за него высказались все фракции, в том числе и фракция той партии, к которой в то время принадлежал г-н Амиреджиби; между прочим представитель этой фракции, горячо приветствуя заключение договора, назвал его национальной победой и добавил, что этим актом предпрешается вопрос об юридическом признании Грузии и другими державами;

9. Наконец, г-н Амиреджиби выдумал какие то «золотые часы», будто бы мне подарен-

ные Лениным, и будто на собраниях колонии мне часто «кричат» об этих часах. Заявляю, что никогда мне Ленин никаких часов не дарил и никто на собраниях колонии никогда не «кричал» о золотых часах.

Я оставляю в стороне другие измышления господина Амиреджиби; думаю, что и сказанного достаточно, чтобы читатели составили себе правильное мнение о полемических приемах г-на сотрудника «Кавказа».

17.V.1935.

Гр. Уратадзе.

ОТВЕТ ШАЛВЫ АМИРЕДЖИБИ.

Г. Уратадзе пожелал печататься у нас на основании французского закона о прессе. Это не дурно со стороны человека всю жизнь борющегося с законностью. Не возражая против его законных прав — *dura lex sed lex!* — я все же должен сказать, что письмо его смущает меня, как смущает человека всякое беззастенчивое оголение. Вчитайтесь только в письмо г. Уратадзе, сколько там голых и ни для кого не убедительных «опровержений»: семинаристом не был, ветеринаром — тоже; без мандата не ездил, с Лениным не говорил, часов не получал, министр в отставку не подавал, никто ему о «часах» не кричал, и так без конца, и всему этому надо верить! Слобно говорит не старый меньшевицкий враль, а непосредственный голос из девичьего хора.

Свои «опровержения» г. Уратадзе начинает с того, что называет меня «бывшим князем, а ныне псаломщиком грузинской церкви». Называя меня «псаломщиком», г. Уратадзе, очевидно, имеет в виду то обстоятельство, что в нашей грузинской церкви в Париже, я, действительно, читаю апостола. Впрочем, в своих грузинских статьях против меня, он пишет не-

много иначе. Глумясь, очевидно, над тем, что у парижской грузинской паствы нет собственного церковного помещения, г. Уратадзе делает жалкие потуги на остроумие, называя меня «псаломщиком без церкви». Пререкаюсь по этому поводу с этим высококультурным публицистом, я, конечно, не намерен. Но сказать несколько слов о бедной нашей церкви в эмиграции, я считаю общественно-необходимым.

Как и многие грузины - эмигранты, я тоже полагаю, что грузинская эмиграция, ушедшая из древней христианской страны и осевшая в стране, в которой церковь и религия играют в культурной жизни народа столь высокую роль, давно должна была иметь свою церковь. И это тем более, что не в пример другим эмиграциям, грузинская эмиграция имела здесь и свою легацию и свое «национальное правительство», увезшее с собою не мало грузинского церковного имущества и не мало народных средств. Но ни легация, пока она существовала, а она существовала целых двенадцать лет, ни «национальное правительство», которое почитает себя существующим и ныне, ни разу не позаботились о церковно-религиоз-

ных нуждах своих несчастных «подданных». Взамен устройства грузинской церкви, опекуны грузинской эмиграции, на бывшие народные средства купили дом с именем, в котором ныне проживают г. Уратадзе и другие сотрудники «Врдаолис Хма» и теперь г. Уратадзе весело издевается над тем, что грузинский Бог в эмиграции остался без дома. Каким образом после всего этого хватает развязности у г. Уратадзе строить свои обезьяньи гримасы по моему адресу и называть меня «писаломщиком без церкви» — это я оставляю на совести этого малопочтенного господина.

Излишне так же наставлять г. Уратадзе в том, что существует титул — князь, но что среди людей претендующих на элементарную корректность, «бывш. князьями» людей величать не принято, если, конечно, нет особо гнусного желания выделить их в особый разряд людей, очевидно, исторически «грешных» и социально «вредных». Ведь «бывший князь, бывший дворянин, бывший генерал» и т. д. был и есть предсмертный титул тех тысяч приличных грузин, которых большевики вели и поведут на расстрел. К тому же «свои» статьи я подписываю без титула. Но «эмигранту» г. Уратадзе не стыдно так «расправляться» со мной и в этом красноречиво сказалась вся его меньшевицко-большевицкая натура. Я впрочем охотно признаю, что вся эта старая и привычная для г. Уратадзе демагогия не имеет прямого отношения к нашему спору.

Г. Уратадзе заблуждается в ином. Старый пропагандист вообразил, что я пишу его биографию и требует от меня полноты и точности биографических сведений. Оказывается, я не должен ошибаться, говоря о том, учился ли г. Уратадзе в семинарии или вообще нигде не учился. Но такая точность и не входила в мои задачи. Семинаристом я его считал по наслышке и еще потому, что из десяти грузинских

марксистов восемь обязательно семинаристы. Не мало среди них и ветеринаров. И наконец есть люди, которые рождаются просто ветеринарами. Тут и в Институте не надо учиться. И г. Уратадзе, хочет он этого или нет, как раз к этому разряду и принадлежит.

Г. Уратадзе пишет, что для своей пропаганды в священническом облачении не нуждался. Охотно признаю. Я тоже не видел его в таком облачении. Но люди говорят, что это было так. Почему же нужно верить на слово г. Уратадзе, а не тем, кто говорит о его маскарадных похождениях? Можно ли это опровергнуть? Можно ли вообще опровергать сказание или даже анекдот, осевший под напором народного юмора в памяти людской, как оседают в нашей памяти литературные типы и факты, под влиянием художественного творчества. Опровергайте сколько угодно, что Дон Жуана не было и в женское платье он не переодевался — все равно, люди будут на стороне мифа.

Г. Уратадзе говорит, что весь 1917 год он провел в Кутаисе, а потому заседать в тифлисском «совете» он не мог и умалчивает о том, что в Кутаисе то он заседал, где он был председателем «совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов». В качестве одного он мог заседать и в Тифлисе, где устраивались съезды этих советов, просуществовавших в Грузии вплоть до прихода большевиков.

Наконец мы приходим к основному пункту моих утверждений и «опровержению» г. Уратадзе. Он заявляет, что выехал в Москву с «письменным мандатом» министра иностранных дел и что протестовать министру было не зачем. Тем более, министр «не имел основания — да и не думал — подавать в отставку».

Так как ездить в чужую страну, а тем более в советскую без какойнибудь бумаги не совсем удобно — можно прослать бродягой —

Обзор печати

«БРДЗОЛИС ХМА» И ЕНУКИДЗЕ

Газета грузинских меньшевиков - эмигрантов, «Брдзолис Хма», дает новую информацию о причинах опалы советского сабовника А. Енукидзе, мало похожую на то, что до сих пор об этом писалось. Информацию эту мы перепечатаваем не только как новость, дающую весьма интересное объяснение большевизкой склоке, жертвой которой пал Енукидзе, но и как сообщение приподымающее завесу над тем, перед какой дилемой оказались бы российские социалисты-эмигранты и в частности грузинские меньшевики, если бы в этой склоке одержала верх точка зрения Енукидзе, а не Сталина.

«Брдзолис Хма» (№ 45) пишет:

«Москва официально объявляет об исключении из партии Авеля Енукидзе, выставляя причиной этой меры его «разложение, выразившееся в его политической деятельности и в частной жизни». Нет сомнения, что последнее объяснение притянута сюда за уши, для отягчения подлинного повода. Последний же заключается только в «политической деятельности». Чем же он разгневал своих вчерашних друзей? По этому поводу нам пишут из Грузии:

Как только опасность войны приняла реальный образ и большевики ополчились искать союзников, возникла идея о создании единого фронта с социалистами. В начале предложение было принято всеми, но впоследствии сказались разность взглядов. Одни полагали, что единый фронт нужен только на Западе, другие

считали, что единый фронт нужен и в самом Советском Союзе. Это последнее течение возглавил А. Енукидзе. Он требовал начала переговоров и соглашения с русской, и, в особенности, грузинской социал-демократией, как с главной и нерушимой силой. Сторонники такого внутреннего фронта заявили себя многие и в особенности старые большевики. По Сталин, Орджоникидзе, Каганович, Акулов и другие решительно ополчились против этого и высказались не за соглашение, а за окончательное истребление «внутреннего врага». Енукидзе не побоялся и собрал вокруг себя своих единомышленников. Его секретариат стал гнездом этой тенденции. Тогда Сталин решил освободиться от Енукидзе и удалить его на «почетную должность». Изгнал из секретариата и назначил председателем Закавказского ЦИК-а, разумеется фиктивно и скорее в распоряжение всесильного чекиста Берия. Енукидзе даже не приезжал в Грузию и мы не знаем, где он теперь находится».

К этой «информации» газета от себя добавляет:

«Из этой информации вполне ясны и преступление Енукидзе и причины его преследования. Отсюда ясно так же, почему в апреле месяце по нашей эмиграции пошел слух о приезде Енукидзе и будто об его переговорах с грузинскими меньшевиками, о чем нас запрашивали со всех сторон».

В этой информации, не все, по нашему, «сообщено» из Грузии и думаем, что кое что

присочинено самой редакцией «Брдзолис Хма», во славу грузинской социал-демократии. Так например, явный абсурд, что в Советском Союзе и в особенности в Грузии, кто ибудь полагает, даже Енукидзе, что грузинская социал-демократия является «главной и нерушимой силой». Все же остальное нам кажется возможной и легко допустимой вещью.

При той повальной пропаганде, которая ныне ведется в пользу «социал-коммунистического фронта» совершенно естественно, что настало время и для меньшевицко-большевицкого соглашения. В своем последнем меморандуме, представленном грузинскими меньшевиками в бюро Второго Интернационала и своевременно опубликованном в «Брдзолис Хма», весьма четко пересчитаны те условия, которые могли бы лечь в основу их соглашения с большевиками. Наши читатели тогда же были осведомлены, как отнеслась к этой «соглашательской» затее меньшевиков грузинская национальная эмиграция. С другой стороны и мы подтверждаем, что слухи о приезде Енукидзе и еще кое кого действительно ходили, продолжают ходить и теперь и отмечалось что кто то с кем то встречался. Говорилось и о том, что слухи эти обезпокоили не грузин, входящих вместе с грузинскими меньшевиками в один анти-большевицкий фронт в эмиграции и что на этой почве имели место нарезания по адресу меньшевиков. Но все это происходило за глубокими кулисами и не могло стать предметом обсуждения широких эмигрантских кругов. Ныне «Брдзолис Хма» как бы приподнимает завесу, но довольно осторожно. Из приписки, которой газета снабжает свою «корреспонденцию из Грузии», так и не понятно, далеки ли грузинские меньшевики от такого соглашения с большевиками, или, как наполовину явствует из недоговоренных «комментариев» «Брдзолис Хма», Авель Енукидзе по-

страдал за общую с меньшевиками «идею».

Мы считаем, что в интересах всего того «антибольшевицкого фронта», в котором меньшевики играют столь путанную роль, требуется больше света и ясности. Мы постараемся заняться этим делом.

НАШИ «КОНФЕДЕРАЛИСТЫ» ЗА РАБОТОЙ

Редактор главного органа наших «конфедералистов» французского журнала «Прометей» г. Гвазава издает и грузинскую газету «Сакартвело». Правда, газета эта выходит не ежемесячно, как остальные грузинские газеты и даже не ежегодно. Появляется она то в два года раз, то в три года два раза. Но зато появляется по мере надобности, когда это угодно меньшевицкому «национальному центру». Естественно, что в той борьбе, которую открыли против нашего журнала «Эхо Борьбы», «Брдзолис Хма» и «Дамоугадебели Сакартвело» — должна была принять участие и «Сакартвело» г. Гвазава. И вот, месяц тому назад газета вышла с отборной руганью против нас и в частности против нашего редактора г. Гайдара Баммата. При этом орган г. Гвазава заявил себя с такой неприличной стороны, что в свое время нам, право, было стыдно, ознакомить наших читателей с выходкой этой газеты. Но на неумную и недостойную выходку «Сакартвело» резко реагировала сама грузинская национальная пресса, дав заслуженную отповедь господам «конфедералистам» типа г. Гвазава.

Газета «Кадэ» пишет:

«Весьма понятно, что газета, издаваемая ближайшими сотрудниками Жордания содержит славословие Жордания. Это дело вкуса, и во всяком случае их домашнее дело. Нам оно мало интересует.

Но письмо г. Г. Г., появившееся в

газ. «Сакартвело», заслуживает самого резкого отпора. Самое возмутительное место в этом письме следующее: «звот врвадся еше этот Баммат должно быть прямой потомок тех дагестанских джигитов, которые временами учиняли нашествия на Кахетию, убивали женщин и детей, и нагоняли страх на мирное население. Эти джигиты вопили: грузины христиане, а ну бей их! Теперешний же джигит вопит: грузины социалисты, смерть им! Но откуда известно этому непрошеному смельчаку, какую роль сыграло в деле национального и территориального восстановления Грузии социалистическое движение? На все это дагестанскому джигиту наплевать. Ему прекрасно известно, что Грузия позвоночный хребет кавказской конфедерации. Хорошо известно, что внесение вражды между грузинами растроит дело освободительного движения Кавказа. Мы не обратили бы внимания на эту неумную выходку, если бы автором этого письма был бы например Гр. Уратадзе. Но к сожалению, письмо подписано г. Г. Г., от которого мы требуем большей серьезности. Нам странно, что, приписывая социалистической партии такую огромную роль в деле возрождения Грузии, г. Г. Г. до сих пор продолжает находиться в рядах той партии, которая всегда стояла в оппозиции к социалистам. К чему же тогда он издает свой «орган», хотя и шрифтом «Врзозлис Хма» и на той же бумаге.

Допустим, что предки г. Баммата были действительно «джигитами», разорвавшими Кахетию. Но, спросим г. Г. Г., кто же были предки г.г. Гирей Суниша, Ибрагима Чулика и Тау Султана Шакмана, этих «представителей» горцев Северного Кавказа, подписавших вместе с Жордания «пакт

Кавказской Конфедерации». Касаясь предков г. Баммата, г. Г. Г. касается и предков своих нынешних друзей. Г-н Г. Г. прекрасно понимает, что в прошлом вражда существовала между многими братскими и соседними народами, но разве это означает, что в наших нынешних взаимоотношениях мы должны исходить из печальных примеров прошлого? В прошлом Дагестан нас беспокоил. Но ведь и мы не мало помогали России овладеть Кавказом. Не правильно все наши прошлые взаимоотношения характеризовать одними такими примерами. Отряды царевича Александра комплектовались горцами. Сегодня, когда лучшие сыны Кавказа стремятся объединиться и создать единый фронт против подлинного врага, г. Г. Г. лучшего не мог выдумать, как упрямиться в неприличном словоблудии, касаясь нашего прошлого. Зачем забывает г. Г. Г., что в позапрошлом веке раздоры существовали среди самих грузинских племен. Первый номер «Кавказа», как известно, появился в 1934 году. Как полагает г. Г. Г., до этого разве среди грузинских политических групп, в эмиграции было больше согласия?».

С таким же негодованием отнеслась к выходке «Сакартвело» и газета «Тетри Гиорги».

«Газ. «Сакартвело» после долгой спячки протерла глаза, или, лучше сказать, ее разбудили свыше, на защиту социалистов и для посярения г. Баммата. Рассказав вкратце, как был создан национальный центр, г-н Г. Г. заявляет, что еще ни один народ не удостоился такого замечательного представительства. Но считает, что не все еще, к сожалению, поняли это. Но мы заявляем, что этот центр мы раскусили и к сожалению должны при-

знаться, что худшего действительно не бывает. Что ответить на выходку нац.-демократической газеты по адресу г. Баммата? Автор не ребенок и обстоятельства дела известны ему лучше нас, прекрасно известно ему и то, что г. Баммат такой наш сосед, как и те, с которыми он сегодня сотрудничает и подписывает «пакт». Нам не понятно, почему г. Баммат джигит, а другие дагестанцы ангелы? Но этот секрет раскроется очень легко, если вспомнить, что г. Баммат не состоит во «фронте» и все дело в этом.

Мы воздерживаемся от своих комментариев. Не станем подчеркивать и того сколько пре-

зрения (впрочем вполне заслуженного) должен питать г. Г. Г. к сотрудничающим с ним в меньшевицком фронте горцам, которые мнрятся с такими его выходками... Скажем только, что никакой конфедерации, никакого «пакта» кавказских народов не может получиться там, где над «пактом» и над конфедерацией орудуют такие жалкие оборотни, как г. Г. Г. Сегодня он поет осанну и гимны вождям меньшевизма, марксизма и социализма. Давно ли он поносил их последними словами... Впрочем мы не сомневаемся, что при новой смене декораций, мы услышим из уст г. Г. Г. совсем другие песни. — Привычка ведь вторая натура.

Письма в редакцию

I.

Уважаемый г. Редактор,

Во втором номере журнала «Хуриет Елу» — Путь Свободы, помещены «Коллективное письмо из Истанбула» и «Ответ бывшим».

Эти сочинения якобы вызваны заявлением, сделанным известной группой деятелей С.-Кавказа относительно так назыв. «пакта Кавказской Конфедерации». Действительные или мнимые авторы писем ни одним словом не оспаривают неосновательности или ошибочности положений, выдвинутых группой наших деятелей, заслуживших полное народное доверие, а пытаются опорочить их, как деятелей, путем беззастенчивой клеветы и безцеремонным искажением исторических фактов из недавнего прошлого.

Все содержание этих писем от начала до конца сплошной вымысел.

Письмо же под заглавием «Ответ бывшим» это — поразительный образец небылиц, гра-

ничающих с бредом. Скромный труженник-ремесленник из аула Табахло, подпись коего — сознательно или нет — стоит под письмом, абсолютно ни на каком языке неграмотный человек, никогда не занимал тех общественных, политических и военных положений и должностей и не совершал тех деяний, о которых повествует. Действительный сочинитель этого письма, вероятно ради злой шутки, сделал скромного ремесленника героем деяний, о которых тот и не мечтал.

Да, нам действительно нужны честные национальные работники, а не темные дельцы, отравляющие атмосферу и сеющие рознь путем пасквилей. Мы протестуем против травли, не достойной ни печатного органа, претендующего на служение высоким идеалам родины, ни уважающих себя людей, и искренно призываем к взаимному пониманию и безкорыстной деятельности на благо нашей Родины.

Просим это наше заявление поместить в

ближайшем номере Вашего журнала. Настоящее заявление посылаем в журналы «Путь Свободы» и «Кавказ».

А. Абдуллах, Яхья, Х. Давут, Абдурахман, Хайдар, Абусуфьян, Джелаледдин, Махмет, Нажмуттин, Хуссейин, Ельдар, Межит, Мухамет, Шерафудин, Идрис, Сайфудин, Гасан, Рабадан, Казияв.

Истанбул, 20.VI.35.

II.

Милостивый Государь,

Господин Редактор,

Прочитав в журнале «Куртулуш» письмо нескольких азербейджанцев с приветствием по поводу подписавия в Брюсселе так называемого пакта Кавказской Конфедерации, мы, нижеподписавшиеся, считаем долгом просить Вас, Господин Редактор, поместить нижеследующее наше заявление:

Как известно, вышеуказанный акт был самым горячим и единодушным протестом наиболее ответственных и уважаемых политических деятелей братских нам народов Северного Кавказа, а также целого ряда ответственных политических деятелей Азербейджана, и был тажсировав ими как акт вопиющего политического подлога (см. № 10-11 журнала «Кавказ»).

При таком положении вещей мы считаем крайне опасным для будущих сердечных отно-

шений Азербейджана и Северного Кавказа вышеуказанное опрометчивое и необдуманное выступление нескольких безответственных азербейджанских беженцев.

Дабы не создалось впечатление, что находящиеся в эмиграции азербейджанцы солидарны с вышеупомянутыми лицами и одобряют действия лиц, подписавших «пакт», мы просим Вас, Господин Редактор, довести до сведения Ваших уважаемых читателей, что мы всемерно протестуем против означенного выступления и выражаем наше чувство искренней симпатии азербейджанским и горским деятелям, ищущим устройства политических судеб Кавказа на базе братского объединения наших народов и всего Кавказа.

Примите уверение в совершенном нашем к Вам уважении и преданности.

Мовсум Салимов; Мир Таги Мир Баба; Махмед Хазринский (ученый агроном); Исмаил Усейнов; Юсуф Али Алиев; Алаверды Рагим; Мешади Али Шехси; Али бей Агаев; Али Гусейн Газалов; Ахмед Али Гаджиев; Мир Ислам Рзаев; Зейнал Абдин Газалов; Али бей Шейдаев; Гасан Расул Задэ (инженер); Абдула Али Расулов; Гашум Гусейнов; Фридун Али Паша оглу; Сеид Ага Мамедов; Али Гули Зейнал Задэ.

Х Р О Н И К А

ДЖЕЙХУН БЕК ГАДЖИБЕЙЛИ МЛАДШИЙ

Мы счастливы сообщить, что сын известного Азербейджанского политического деятеля и нашего друга Джейхун бека Гаджибейли, Джейхун бек Гаджибейли младший, блестяще сдал вторую половину испытаний на звание

«башелье» с отличием «мансьон — бьен», что соответствует серебрянной медали. Мы привносим нашему другу и его уважаемой супруге сердечные поздравления.

Ред.